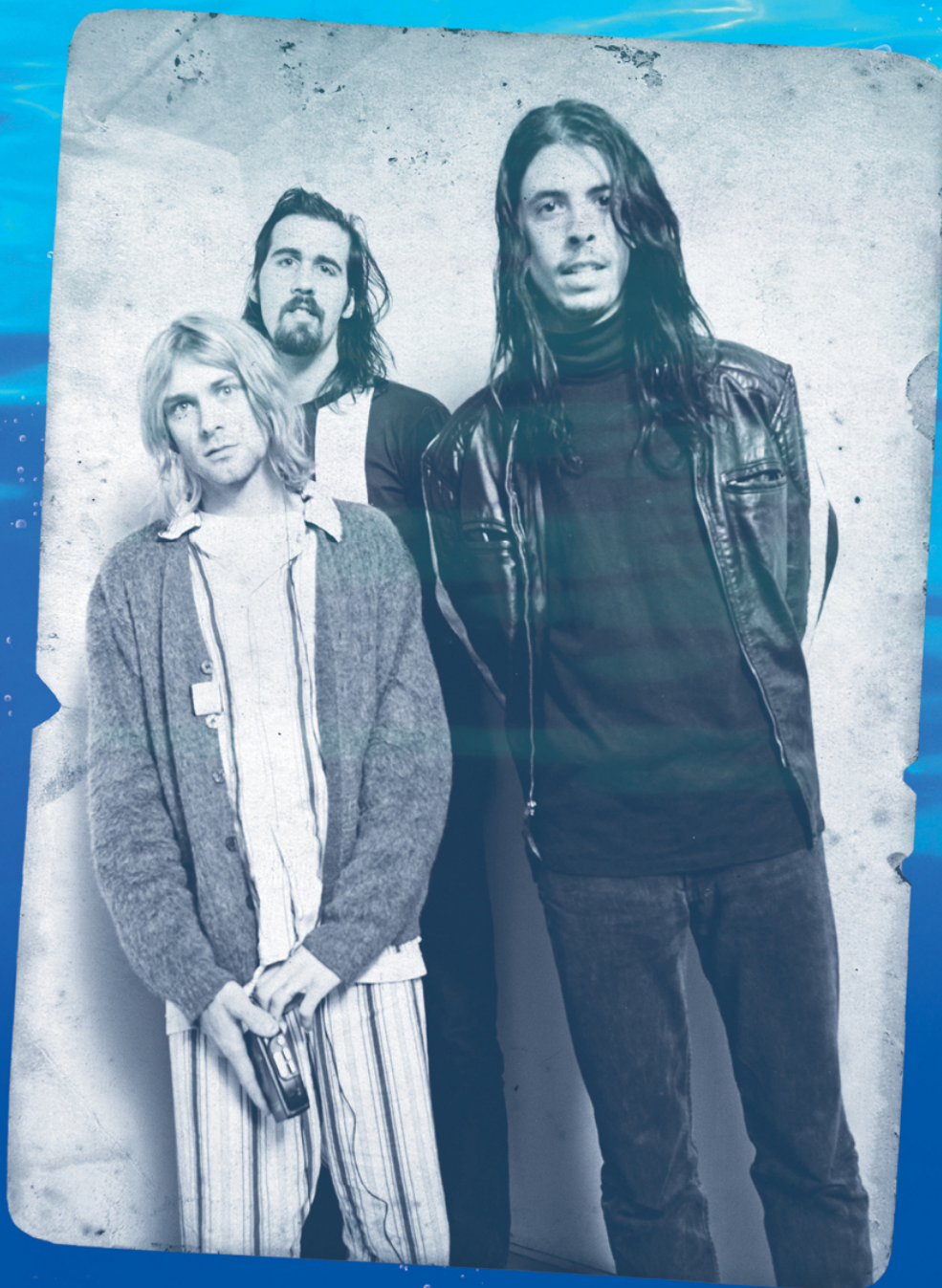

ИСТОРИЯ NIRVANA

COME AS YOU ARE

18+

МАЙКЛ АЗЕРРАД

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ КУЛЬТОВОЙ КНИГИ

Подарочные издания. Музыка

Майкл Азеррад

**Come as you are: история Nirvana,
рассказанная Куртом Кобейном и
записанная Майклом Азеррадом**

«ЭКСМО»

1993

УДК 785(73)
ББК 85.318

Азеррад М.

Come as you are: история Nirvana, рассказанная Куртом Кобейном и записанная Майклом Азеррадом / М. Азеррад — «Эксмо», 1993 — (Подарочные издания. Музыка)

ISBN 978-5-04-110318-7

«Казалось, что он не умел говорить „без комментариев“, и отвечал на все вопросы, что я ему задавал», – вспоминает свое общение с Куртом Кобейном автор этой книги. Биография, написанная Майклом Азеррадом, стала единственным повествованием о Nirvana, записанном и вышедшем до трагической смерти ее лидера. Первое издание появилось на свет в 1993 году, оно представляло собой монументальный труд, собранный из десятков эксклюзивных и подробных интервью с участниками группы: Куртом Кобейном, Кристофом Новоселичем и Дейвом Гролом, с их друзьями и членами семей. Come As You Are – это крупный план, интимная история Nirvana, раскрывающая феномен взявшейся из ниоткуда группы, чьи альбомы сразу стали расходиться многомиллионными тиражами. Чей голос олицетворял всю растерянность, разочарование и страсть нового поколения. Так было в 90-х, таким это остается и в наши дни. Это книга о бунтарях, а не о легендах, о жизни, а не о фатальности. Свежая история, отличающаяся от всех посмертных исследований их творчества. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 785(73)
ББК 85.318

ISBN 978-5-04-110318-7

© Азэррад М., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Команда проекта	7
Благодарности	9
Нулевая глава	10
Глава I	18
Глава II	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Майкл Азеррад

Come as you are: история Nirvana, рассказанная Куртом Кобейном и записанная Майклом Азеррадом

Посвящается Джэули

COME AS YOU ARE

© 1993 by Michael Azerrad

© Gutchie Kojima / Shinko Music / HYPERLINK

«<http://gettyimages.ru/>»

GettyImages.ru

Выражаем огромную благодарность за помощь в подготовке книги *Антону Зарицкому, Александру Беляеву*, редакции издания Rock Week magazine и сообществу <https://vk.com/nirvanamusic>.

В первом издании Come as you are были фотографии группы, но, к сожалению, спустя много лет иллюстрации не сохранились для печати. Однако текст по-прежнему актуален и хорош, надеемся, вы, как и мы, получите удовольствие от прочтения этой книги.

© Вершинина Н., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Команда проекта

ПЕРЕВОДЧИК – НАДЕЖДА ВЕРШИНИНА

«Книга была одной из первых биографий Nirvana и входит в список “50 величайших рок-биографий всех времен”, поэтому мне, как человеку, любящему группу и более-менее знакомому с ее историей, было очень приятно над ней работать. Книга была для меня интересна прежде всего огромным количеством новых, неизвестных мне фактов и живым взглядом автора на события, так как писалась она в контакте со всеми участниками группы, а не стала компиляцией, собранной из общеизвестных источников. Книга может быть интересна не только поклонникам группы Nirvana, но и всем любителям современной рок-музыки, так как описывает множество процессов, происходивших в музыке конца 1980-х – начала 1990-х годов и повлиявших на формирование современной рок-сцены».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР – ЯНА МИХАЙЛОВА

«Эти строки захватывают с первых страниц. Захватывают и не отпускают. Удивительный мир удивительного человека, чувственный монолог «на кончиках пальцев». Череду уличных открытий и знакомств, страстные погружения в джаз, баскетбол, карате и панк, жажда приключений, бесконечное стремление познать себя, распахнуть свою душу. И любовь. Через боль, через нежность, через бытие».

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР – ЕЛЕНА РУМЯНЦЕВА

«Работа над книгой проходила на одном дыхании. Будучи давней поклонницей творчества Курта Кобейна, узнала много новых подробностей из его жизни: порой забавных, порой печальных. То, что книга частично построена на диалогах, дает возможность воспринимать текст со своей личной позиции, не опираясь на мнение автора. Такой подход заставляет больше погружаться в события, проживать и переживать их вместе с участниками».

КОРРЕКТОР – ОЛЬГА АМЕЛЮШКИНА

«Курт Кобейн и Nirvana – это неотъемлемая часть определенного периода моей жизни в школьные годы. Когда я впервые услышала о группе, Курта уже не было в живых, и почему-то это заставляло как-то по-особенному относиться к музыке, которую слушала. И спустя много лет это особенное отношение сохранилось, когда я читала эту книгу. Какая-то возможность узнать человека, хотя бы попытаться понять его поступки. И уж совсем невероятные эмоции были от концовки. И вроде знаешь, чем все кончилось, и все равно переживания какие-то глубокие. Книга оказалась очень полезна и в эмоциональном плане».

«Одна из тех книг, которая в обязательном порядке должны быть у каждого поклонника гранжа. Да и вообще у любого человека, который интересуется рок-музыкой – ведь трио из Абердина перешагнуло все рамки жанров и стало достоянием человечества. Майкл Азеррад писал свою «Историю группы Nirvana» тогда, когда Курт был еще жив – первое издание книги вышло и стало бестселлером еще в 1993 году. Через полгода Майклу пришлось дописывать послесловие о смерти своего героя – в этом переводе оно есть. Но основная часть книги – это Nirvana тех времен, когда люди и не представляли себе, что с группой может что-то случиться. Тем интереснее посмотреть, как группу воспринимали тогда».

Благодарности

Я глубоко признателен за помощь и поддержку следующим людям:

Курту и Кортни

Кристу и Шелли

Дэйву

Чэду Ченнингу

Джону Сильве, Бетэнн Будденбаум и Майклу Мейзелу

Сьюзи Теннант и Кристу Свенсону

Рэнди Уэйджу

Марку Кейтсу

Рошелль Фокс, Люку Вуду, Дэннису Деннехи и Кристси Шэннон из Geffen

Чарльзу Питерсону

Трейси Марандер

Нилу Россу

Брюсу Трэйси

Скотту Мойерсу

Саре Лэйзин и Лоре Нолан

Миссис Бернис Ченнинг

Венди О'Коннор

Мэрисаре Квинн

Кэрри Фрид

Эми Финнерти

Нильсу Бернштейну

Марку Доктороу

Бет Коэн

Мэтту Суини

Не благодарю: Lunatic Fringe¹ (рекорд 29,715, уровень 40)

---

¹ Возможно, это название одного из уровней игры Duke Nukem, действие которого происходит на инопланетной космической станции. — *Здесь и далее прим. ред.*

Нулевая глава

Девятое апреля 1993 года, арена Cow Palace в Сан-Франциско. Одиннадцать тысяч человек – гранджеры, качки, металлисты, мейнстримеры, панки, родители с маленькими детьми, хиппи – все они приехали из такой дали, как Лос-Анджелес и Сиэтл, на первое за семь месяцев выступление Nirvana в Америке, организованное в пользу боснийских жертв насилия. Помимо семинедельного клубного тура в конце 1991 года, американские поклонники могли наблюдать за живым выступлением группы на телешоу «Saturday Night Live»² около года назад. За это время произошло многое: поползли слухи о наркотиках, о распаде группы, судебные дела и около пяти миллионов копий альбома *Nevermind*, проданных по всему миру. И многого не произошло – стадионный тур по США, новый альбом. Этот концерт был решающим.

Группа выходит на сцену. Курт Кобейн в светло-голубом кардигане, вывернутой наизнанку футболке группой Captain America и рваных синих джинсах, слегка нервничая машет толпе. Он специально осветлил волосы; они мочалкой падают ему на глаза и закрывают верхнюю часть лица.

После вступительных аккордов *Rape me* группа начинает играть со взрывной силой, звук залпами летит со сцены в толпу – *Breed*, *Blew*, *Sliver*, *Milk it*³, *Heart Shaped Box*. Ближе к концу они играют «тот самый хит с большой буквы», и, стоит только Курту проиграть вступительные аккорды, как мошеры⁴ в зале просто слетают с катушек. И, когда во время исполнения *Lithium* в воздух поднимаются горящие спички и зажигалки, каждый в этом огромном ангаре осознает, почему он так любит Nirvana.

Хотя Криста Новоселича и Курта разделяет по меньшей мере тридцать футов, они двигаются и взаимодействуют друг с другом так, будто стоят намного ближе; они общаются безо всяких усилий. В середине выступления Курт обращается к Кристу со словами: «Я в порядке! Я могу играть еще целый час!» И они играют, умудряясь уложиться в полтора часа с двадцатью четырьмя песнями, включая восемь песен из предстоящего альбома. Толпа воодушевленно аплодирует новинкам, особенно жесткому долбежу *Scentsless Apprentice* и великолепной *All Apologies*.

Эдди Веддер из Pearl Jam заглядывает на сцену из-за кулис сбоку; рядом с ним – Дейл Кровер из The Melvins. Фрэнсис Бин Кобейн сидит наверху, в гримерной отца, в компании няни; спускаясь, Кортни ловко уворачивается от бутылки с минеральной водой, которую Курт бросил, не глядя. Она саркастически помахала ему в ответ.

По окончании серии песен Курт, Крист и Дэйв исчезают за барабанной установкой и передают друг другу сигарету, обсуждая, какие песни сыграть дальше, а затем возвращаются еще на полчаса и играют семь песен. Кульминацией становится *Endless, Nameless* – загадочный трек, закрывающий альбом *Nevermind*. Группа играет основной рифф песни все быстрее и быстрее, пока он не становится трансовым. Курт поднимается на свою стойку с усилителями. Она не слишком высокая, но он ходит по ней, будто потенциальный самоубийца по карнизу. Музыка все ускоряется и ускоряется. Гитары беснуются, Крист отстегивает ремень и размахивает бас-гитарой перед своим усилителем; Дэйв Грол молотит с удивительной точностью. Музыка доходит до своего пика, и Курт падает на барабанную установку. Барабаны и стойки

---

² Saturday Night Live – вечерняя музыкально-юмористическая передача на американском канале NBC, одна из самых популярных и долгоиграющих в истории телевидения США. Премьера состоялась 11 октября 1975 года.

³ Кстати, данная композиция была впервые исполнена на концерте 9 апреля 1993 года. А на альбоме она была выпущена лишь в сентябре 1993 года (на последнем, третьем альбоме «In Utero»).

⁴ Мошеры – люди, которые любят размахивать кулаками и ногами перед лицом друг друга. Это целая культура, которая развивается совместно с экстремальной музыкой.

тарелок падают вслед за ним, напоминая хищный цветок, раскрывший лепестки и поглотивший жертву. Конец шоу.

Люди спрашивают друг друга, в порядке ли Курт. Вряд ли это был запланированный трюк. Если бы это было так, они наверняка подложили бы туда что-нибудь. Возможно, это была дурацкая выходка, словно школьника, нарочно разбившего нос и размазавшего кровь по лицу, чтобы от него отстали, что-то в духе *I hurt myself before you can* («Я причиню себе вред раньше, чем это успеешь сделать ты»). Выходка парня, начавшего концерт с песни под названием *Rape me* («Изнасилуй меня»). Возможно, это дань любимым «трюкачам» Курта – Ивелу Книвелу⁵ и Игги Попу. Или же Курта настолько завела музыка, что ему стало плевать на физические увечья, и он стал словно увлеченный индийский йог, шагающий по раскаленным углям? Судя по реакции публики, возбужденной и радостной, последнее объяснение подходит больше всего.

После концерта вся команда отмечает триумфальное выступление во внутреннем дворе модного мотеля «Феникс» – за исключением Курта и Кортни, удалившихся в шикарный отель на другом конце города. По словам Кортни, «Феникс» вызывает у них плохие воспоминания. И кроме того, банные полотенца здесь слишком маленькие. Но даже без них это место превращается в маленькую деревеньку Nirvana. Тут Дэйв, его мать и сестра, Крист и Шелли, а также улыбчивый Эрни Бейли, гитарный техник, его жена Бренда, тур-менеджер Алекс Маклеод, светодизайнер Сюзанна Сасик, люди из Gold Mountain Management, Марк Кейтс⁶ из Geffen/DGC⁷ и даже члены сиэтлской группы Love Battery, которые случайно оказались в городе. Крист спускается в продуктовый магазин, берет пару связок пива, и вечеринка продолжается до самого рассвета.

На следующий день Крист совершает паломничество в легендарный книжный магазин City Lights. Он выходит на улицу к банкомату, где бездомный провозглашает: «Добрые вести, люди! Мы будем рады принять в честь Пасхи двадцатидолларовые купюры!» – и Крист дает ему одну.

Концерт в Cow Palace стал победой. Он был похож на подтверждение того, что панк-рок-группа, сорвавшая главный джекпот мейнстрима, сделала это не случайно. Эта победа стала резонансной для группы, да и для всех подобных групп, и, возможно, даже для рок-культуры в целом. Как недавно сказала Ким Гордон⁸ из Sonic Youth: «Когда такая самобытная группа, подобная Nirvana, выходит из андеграунда, она в действительности отображает то, что происходит в культуре, и это не коммодити»⁹.

То, что происходило на тот момент в культуре, выжалось не только в звучании музыки, но и в том, как она становилась популярной, что не менее важно.

Феномен панк-рока возник в тот момент, когда Джонни Рамон впервые поднес медиатор к струнам, вдохновляя на полуторавековую тяжелую работу бесчисленные группы, независимые звукозаписывающие лейблы, радиостанции, журналы и фэнзины¹⁰, а также небольшие магазины с пластинками, которые изо всех сил пытались создать некую альтернативу безликому, снисходительному корпоративному року, навязываемому публике

---

⁵ Ивел Книвел – американский исполнитель трюков, получивший мировую известность благодаря своим рискованным трюкам на мотоцикле.

⁶ Марк Кейтс был директором отделения альтернативной музыки в новом филиале Geffen/DGC.

⁷ Geffen/DGC – американская звукозаписывающая компания, принадлежащая Universal Music Group.

⁸ Ким Гордон – Американская вокалистка, бас-гитаристка альтернативной рок-группы «Sonic Youth».

⁹ Коммодити – распространенный предмет потребления, который не отличается уникальностью.

¹⁰ Англ. *fanzine*, от *fan magazine*, иногда просто *зин* – любительское малотиражное периодическое или непериодическое издание (журнал, информационный бюллетень, фотоальбом, альманах и так далее). Фэнзины выпускаются различными субкультурами, любителями определенных жанров музыки, а также фантастики, военных и ролевых игр.

циничными крупными лейблами, обезличенными аренами, мегакрупными магазинами пластинок, никудашными радиостанциями и зазнавшимися национальными рок-журналами.

Вдохновленный революцией панк-рока, музыкальный андеграунд сформировал всемирную сеть, теневую музыкальную индустрию. Она продолжала расти до тех пор, пока даже самые упорные усилия музыкальной индустрии, контролируемой поколением беби-бумеров¹¹, не смогли сдержать ее. Первым взрывом были R.E.M., затем пришли Jane's Addiction, а потом произошел Большой Взрыв: на сегодняшний день по всему миру продано больше восьми миллионов копий альбома *Nevermind*. Он бросил вызов лучшим работам таких знаменитостей, как Майкл Джексон, U2 и Guns n' Roses, и попал на первое место в чарте Billboard.

После этого все разделилось на «до» и «после» Nirvana. Радио и пресса начали всерьез воспринимать эту «альтернативу». Звукозаписывающие лейблы резко переосмыслили свою стратегию. Вместо того чтобы активно продвигать легкую поп-музыку, которая всегда хорошо продается и потом больше никогда не слушается, они решили начать подписывать договоры с долгосрочной перспективой. Лейблы продвигали их на местном уровне, вместо того чтобы вкладывать в них деньги до того, как они начнут приносить прибыль. Это было похоже на путь, который прошли Nirvana – начиная с небольшой группы СМИ и музыкальных фанатов, чье ценное сарафанное радио расширяло фан-базу группы сначала понемногу, а затем все стремительнее. Минимум рекламы, просто хорошая музыка¹².

Исследовательское рвение, необходимое для того, чтобы пробиться сквозь болото независимой музыки, по сути, было лишь критикой стадного потребительства. Это было нежелательным развитием событий для крупных лейблов, зависящих от денег, потраченных на рекламу, в попытках донести до публики свое видение. Независимая музыка требовала независимого мышления – от артистов, которые создавали ее, предпринимателей, продающих эту музыку, и людей, которые ее покупали. Отыскать новый сингл Calamity Jane¹³ намного сложнее, чем последний компакт-диск C+C Music Factory¹⁴.

В 1990 году на первое место в чартах не попал ни один рок-альбом, из-за чего некоторые эксперты отрасли прогнозировали смерть рок-культуры. Аудиторию этой музыки систематически делили на группы менеджеры радиостанций, которые ищут идеальную целевую аудиторию, и маловероятно, что поклонники рока могли бы объединиться вокруг одной записи в достаточном количестве, чтобы поднять ее на вершину чартов. Одновременно с тем, как рок перерос в высохший, хорошо обработанный искусственный бунт, такие жанры, как кантри и рэп, обращались напрямую к настроениям и заботам масс. Хотя в 1991 году хитами № 1 становились и другие рок-альбомы, *Nevermind* объединил аудиторию, которая никогда раньше не была единой, – людей за двадцать.

Двадцатилетняя молодежь устала от старикашек вроде Genesis, Эрика Клэптона и от искусственного творчества Пола Абдул и Milli Vanilli, которое стояло комом в горле, и просто хотела иметь свою собственную музыку. Что-то, что выражало бы их чувства. Количество детей из разведенных семей было ошеломляющим. Они твердо знали, что были первым американским поколением, у которого практически нет надежды добиться большего, чем их родители, поколением, которое будет страдать из-за финансовых крайностей рейгановских восьмидесятых, поколением, сексуальный расцвет которого тонул в тени СПИДа, поколением, которое

---

¹¹ Поколение беби-бум – поколение, рожденное в период беби-бума, всплеска рождаемости после Второй мировой войны с 1946 по 1964 год.

¹² Имеется в виду, что звукозаписывающие лейблы не вкладывали денег в раскрутку и рекламу группы, ожидая, что группа сама бесплатно обретет популярность посредством сарафанного радио, фанатов и маленьких СМИ.

¹³ Calamity Jane – женская гранж/панк-группа, образованная в Портланде (штат Орегон) в 1989 году.

¹⁴ Music Factory – музыкальная продюсерская группа, знаменитая тем, что семь раз получала первые места в танцевальных/клубных чартах с начала и до середины 1990-х.

в детстве мучали кошмары о ядерной войне. Они чувствовали себя неспособными изменить опасную обстановку и провели большую ее часть либо с Рейганом, либо в Белом доме с Бушем, под воздействием репрессивного сексуального и культурного климата. И перед лицом всего этого они чувствовали себя беспомощными.

В восьмидесятые годы многие музыканты протестовали против различных политических и социальных неравенств, но большинство из них создавали ажиотаж, например Дон Хенли, Брюс Спрингстин и Стинг. И многие фанаты видели в этом протесте то, чем, по сути, он и был: позерство, стремление «подмазаться», самодовольная самореклама. И вообще, почему именно Duran Duran выступали на фестивале Live Aid? Реакция Курта Кобейна на трудные времена была настолько прямой, насколько это только возможно, и чертовски честной. Он кричал.

Однако было бы ошибкой называть Курта Кобейна голосом целого поколения. Голосом всего поколения был Боб Дилан. Курт Кобейн не дает никаких ответов и даже почти не задает вопросов. Он издает истощенный вопль, упиваясь негативным экстазом. И если это и есть современное звучание подросткового духа, то так тому и быть.

Песни на Nevermind, возможно, были об отчужденности и апатии, но об апатии к вещам, которые все равно ничего не значат. И напротив, группа выражала жесткие эмоции относительно феминизма, расизма, цензуры и особенно гомофобии. И любой намек на бездействие уничтожался потрясающей силой музыки (особенно взрывной барабанной дробью Дэйва Грола) и неоспоримым мастерством написания песен. Это была музыка, наполненная страстью, музыка, которая не притворялась. Погружение в Nirvana придавало сил поколению, у которого не было никакой силы.

Юные годы участников группы отражают жизнь всего их поколения. Все трое родом из разрушенных семей. Все трое (и даже их предыдущий барабанщик) вели болезненное, отчужденное детство; двое из них даже бросили школу в старших классах.

Несмотря на то, что Nirvana считается частью «Сиэтл-саунда», сами они – не сиэтлская группа. Курт Кобейн и Крист Новоселич родом из изолированного прибрежного лесозаготовительного городка Абердин, штат Вашингтон. Свое совершеннолетие группа встретила там и в соседней Олимпии, родине K Records и «наивной поп-группы» Beat Happening¹⁵, оказавших основное философское, или даже музыкальное, влияние на Nirvana. Когда Курт говорит о панк-роке, он не имеет в виду зеленые волосы и проколотые булавкой ноздри. Он имеет в виду самодельные, верные себе, простые идеалы K Records, Touch&Go, SST и других отчаянных независимых студий. Это попытка отобрать музыку у корпораций и вернуть ее людям, сделать электронной фолк-музыкой.

Члены Nirvana явно не были сотрудниками корпораций (они посетили штаб-квартиру своей студии в Лос-Анджелесе ровно один раз) – группа тщательно поставила себя находящейся вне идеализированного общего направления, придуманного Мэдисон-авеню, телевизионными верхушками, крупными студиями звукозаписи и Голливудом. Если использовать уже ставший привычным термин, то Nirvana представляла собой некую альтернативу. После того, как восемь миллионов человек сказали, что чувствуют одно и то же, пришлось пересмотреть основное направление.

Многие группы из чартов делали достаточно хорошую музыку, но это было лишь развлечением. Эта же музыка имела резонанс. Она не была

---

¹⁵ Beat Happening – американская инди-группа, образовавшаяся в 1982 году в Олимпии и известная своим «примитивистским» стилем – нарочито «непрофессиональная» и несобранная игра музыкантов, простые мелодии, наивные тексты, низкое качество записи. Beat Happening считаются пионерами американского инди-попа и *Lo-fi* музыки и одними из главных популяризаторов идеологии D.I.Y. Фронтмен Beat Happening Кэлвин Джонсон, кроме того, стал основателем влиятельного инди-лейбла K Records (Bikini Kill, Бек, Modest Mouse) и сотрудничал с основателями Sub Pop.

ни хитростью, ни расчетом. Она была волнующей, пугающей, прекрасной, порочной, неопределенной и ликующей. Эта музыка не просто «качала», ей можно было еще и подпевать.

Слава не была тем, чего добивалась группа или с чем была готова иметь дело. Она стала настоящим сюрпризом и смущала их. Было слишком рано. Крист и Дэйв восприняли славу достаточно тяжело, но Курту было еще тяжелее. Группа затаилась на большую часть 1992 года, и к началу весны следующего года Курт, Крист и Дэйв смогли оглянуться и оценить все, что произошло.

Дэйв рассказал свою версию этой истории в Laundry Room, скромненькой сиэтлской студии звукозаписи, которой он владеет вместе со своим старым другом и барабанщиком Барреттом Джонсом. Он сидит на полу среди приборов, усилителей и кабелей в застегнутой на все пуговицы рубашке со значком K Records и жадно поглощает вредную еду из соседнего 7-Eleven. Дэйв собран и очень уравновешен для своих двадцати четырех лет. Он чрезвычайно самонадеян; он не питает никаких иллюзий о величии и никогда не продаст себя дешево. «Он самый уравновешенный парень из всех, кого я знаю», – любит повторять Курт.

Из всех троих Дэйв был наименее замечен – в конце концов, у него не было такого выдающегося роста, как у Криста, и он не был вокалистом, как Курт. Так же как и Крист, он постоянно ходит на Сиэтлские концерты, и его можно найти стоящим в толпе наравне с другими. Его положение идеально, и он это знает – он играет в одной из самых успешных рок-групп на планете, и, несмотря на это, он может выйти вечером в город и на пальцах одной руки пересчитать тех, кто узнает его.

«У Криста золотое сердце, – говорит о нем друг семьи. – Он очень добрая душа». Крист говорит медленно, осторожно, и, даже не читая умных книг, он словно гений здравого смысла, всегда готов к откровениям, пробивающимся сквозь всю эту чушь. Самозванный «новостной наркоман», он глубоко обеспокоен и достаточно хорошо осведомлен о ситуации в бывшей Югославии, откуда родом его семья.

Он вместе со своей очаровательной и спокойной женой Шелли владеет скромным домом в тихом пригороде Сиэтла, университетском районе. Это своего рода общественное место – с ними живет его сестра Диана, и тур-менеджер Алекс Маклеод, яркий шотландец с «конским хвостом», настолько преданный, что он, вероятно, пойдет под пули за любого из членов группы. К ним постоянно заходит в гости брат Криста Роберт. С начала марта Ким Гордон и Терстон Мур из Sonic Youth тоже живут здесь, завершая свое мировое турне в этом городе. Гордон, Мур и Марк Арм из Mudhoney заходят в гости после скупки пластинок, одна из которых довольно старая, запись Бенни Гудмана 78-го года. Когда после треска и шипения старой Victorola начинает играть Royal Garden Blues, Крист говорит Муру: «Да, чувак, lo-fi. Вот как звучит наша новая пластинка!»

В гостиной, обставленной броской старой мебелью из комиссионного магазина, господствует огромный музыкальный автомат. Но в основном все тусуются на кухне, включая кошек Эйнштейна и Дорис. Холодильник заполнен всякой натуральной едой без консервантов. Везде, где только можно, валяется макулатура. Внизу, в подвале, где Крист устроил вечеринку накануне того, как группа уехала записывать *In Utero*, – винтажная барная стойка конца пятидесятих годов и три пинбольных автомата – Kiss, The Adams Family и Evel Knievel. Старые приятели – Мэтт Лукин из Mudhoney, Тэд Дойл из TAD и Ди Плакас из L7, новые приятели – Эдди Веддер, люди из огромной семьи Nirvana, такие как Эрни Бейли и Гэри Герш из Geffen/DGC, – все веселились до рассвета. Шелли приготовила несколько вегетарианских закусок.

Крист живет приземленно, тратит деньги с умом. Его жизнь сложно назвать роскошной жизнью рок-звезды – с его старого магнитофона отваливается кассетная дека.

* * *

После краткого предварительного интервью, проведенного незадолго до Рождества 1992 года, в начале февраля состоялся первый раунд более чем двадцатипятичасовых бесед с Куртом. Они начинались очень поздно вечером, после того как Курт возвращался с репетиций для *In Utero*, и продолжались до четырех или пяти утра. В самый разгар переезда во временный дом в Сиэтле Курт расхаживал по их с Кортни гостиничному номеру в разномастных пижамах, выкуривая сигарету за сигаретой и приправляя свой рассказ чрезвычайно сухим и саркастическим остроумием. Однажды он включил виртуальную машину реальности – нечто среднее между плеером Walkman и частным психоделическим световым шоу, – с которой он экспериментировал, пытаясь контролировать хроническую боль в животе. Различные настройки должны были стимулировать память, способность к творчеству, энергию и расслабление.

Курт и Кортни живут довольно простой для мировых звезд жизнью. У них нет ни охранников, ни мускулистых телохранителей. Курт ездит на такси по городу, заезжает в «Макдоналдс» съесть бургер и носит нелепую шляпу Элмера Фадда¹⁶, иногда для маскировки надвигая ее на лицо.

Однажды вечером посетитель вошел в отель, поднялся на лифте на их этаж и вошел прямо в открытую дверь, где увидел Курта и Кортни, которые лежали на кровати в пижамах, прижавшись друг к другу, и смотрели дрянной телевизионный фильм Лейфа Гаррета в полной темноте. «О, привет», – сказала Кортни, даже не вздрогнув.

Курт кажется хрупким и тонким. Его речь похожа на бесстрастное пение, превратившееся из-за слишком большого количества выкуренных сигарет в низкое рычание. Это придавало ему грусти и опустошенности и делало похожим на человека, который только что рыдал. Но на самом деле он таким и был.

– Меня считают эмоциональной катастрофой, этакой абсолютно негативной черной дырой, – говорит Курт. – И спрашивают, в чем дело. А со мной все в порядке, мне вовсе не грустно. И в какой-то момент мне пришлось посмотреть на себя со стороны. Я подумал, что, возможно, мне стоит сбрить брови. Это могло бы помочь.

Хотя харизма Курта практически осязаема, он был довольно сдержанным. Это вынуждало мысленно преувеличивать каждую его реакцию: задумчивое «хм» превращается в «Вау!»; легкий смешок – в хохот; косой взгляд – практически в убийственный.

Как на фотографиях, так и в жизни его лицо может выражать множество различных эмоций. Иногда он выглядит как ангелочек, иногда как рассеянный бродяга, а иногда как парень, который чинит тебе коробку передач. А порой, при определенном освещении, он жутко походил на Роуза. Его бледное лицо слегка прикрыто неряшливой щетиной. Ярко-красная повязка на голове просвечивает сквозь фирменную немытую шевелюру, на данный момент светло-рыжеватуую. Обычно он ходит в пижаме и неопрятно выглядит. Хотя его расписание особо не связано с временем суток, он всегда носит часы с изображением Тома Питерсона, владельца сети магазинов бытовой техники в Орегоне.

Глаза у Курта необыкновенного синего цвета, и они придают его лицу испуганное выражение. В этой своей пижаме он производит впечатление молодого контуженного рядового, расхаживающего по дому ветеранов. Но он ничего не упускает.

В начале марта, после записи нового альбома группы, *In Utero*, Курт, Кортни и их маленькая дочь Фрэнсис переехали в большой арендованный дом с видом на озеро Вашингтон. За

---

¹⁶ Элмер Фадд – вымышленный мультипликационный герой, один из самых известных персонажей Looney Tunes, заклятый враг Багза Банни.

кухонным столом Курт играл в потрошение пластмассовой анатомической модельки, куря сигареты одна за одной.

– Мне нравится, что их можно разбирать на части и рассмотреть внутренности, – говорит он. – Органы меня завораживают. Они работают. И они могут лажать, но трудно поверить, что человек может ввести в свой организм что-то ядовитое, например алкоголь или наркотики, и все эти механизмы могут смириться с ними на некоторое время. Удивительно, что они вообще их принимают.

Дом очень скудно обставлен – бежевый ковер от стены до стены, голые стены, но это только временно. В конце года семья переедет в перестроенный дом в маленьком городке в нескольких десятках миль от Сиэтла. Они ищут место для отдыха на престижном Капитолийском холме Сиэтла. Наверху – спальня, детская и мастерская Курта, где на мольберте стоит портрет высохшего, несчастного существа со скелетообразными руками и безжизненными черными глазами. В ванной комнате на первом этаже стоит премия MTV «Лучший новый исполнитель», маленький серебряный космонавт, пристально наблюдающий за туалетом. У няни Фрэнсис, Джеки, есть своя комната в подвале. В столовой, расположенной рядом с кухней, установлена дорожка для модели автомобиля.

Одна комната в доме обозначена как «кают-компания». Пол завален старыми письмами, записками, рабочими кассетами, пластинками, фотографиями и плакатами, относящимися к самым ранним временам творческой жизни Курта. У одной стены стоит буддистское святылище Кортни, которым она теперь почти не пользуется, вероятно, потому, что не может пробраться к нему из-за беспорядка. Коричневый бумажный пакет опрокинулся, и из него вывалилось около дюжины пластиковых кукол Полковника Сандерса и Пончика Пиллсбери.

Гитары здесь повсюду, даже в ванной. Звонкий старичок Martin стоит в гостиной около более скромного инструмента, выкрашенного в красный цвет и покрытого аппликацией из цветов.

Семимесячная Фрэнсис Бин Кобейн – очаровательный ребенок с пронзительными голубыми глазами, доставшимися ей от отца, и линией подбородка от матери. Казалось, что ее родители по-настоящему много с ней возятся и очень сильно любят. Иногда кажется, что Курт умеет обращаться с детьми лучше, чем Кортни, но тем не менее они оба прекрасно справляются с обычными гугукающими звуками, которыми развлекают ребенка.

Судя по всему, Фрэнсис сотворила с Куртом чудо.

– Он смотрит на Фрэнсис и все время говорит: «Вот такой я был раньше! Вот именно такой!» – говорит Кортни. – Человека нельзя изменить, но я стараюсь опять сделать его счастливым. И это довольно трудно, потому что он всегда чем-то недоволен.

Как-то вечером Кортни тихонько брэнчала на акустической гитаре в бумбокс в гостиной наверху, а внизу, в гараже рядом с их подержанным «Вольво», Курт колотил по ветхой барабанной установке, оставшейся после какого-то давно забытого тура. Гараж заполнен множеством коробок с бумагами, произведениями искусства, гитарными потрохами и многолетними покупками в комиссионных магазинах. Два ящика набиты прозрачными пластиковыми мужчинами, женщинами и даже лошадьми. Рядом находятся усилитель, бас-гитара и единственная вещь в доме, которую можно было бы назвать излишеством, – игровой автомат по типу Space Invaders, который Курт купил за пару сотен баксов. Высокие баллы на нем он подписывает сочетаниями букв типа «члн», «дрм» и «блд».

Наши беседы были чрезвычайно откровенны. У Курта есть простое объяснение его прямоты.

– Я попался, – говорит он, имея в виду свои широко освещенные проблемы с героином, – так что я могу открыто признаться и попытаться взглянуть на это немного более позитивно. Все думают, что я уже много лет сижу на игле. На самом деле я был наркоманом совсем недолго.

Более того, его не волнует то, что ужасающие мифы вокруг группы – и вокруг него самого – раскроются. Совсем наоборот.

– Я никогда не хотел, чтобы вокруг нас были какие-то тайны, – сказал он мне однажды. – Просто вначале мне было нечего сказать. Теперь, когда прошло достаточное количество времени, есть некая история. И все же каждый вечер после твоего ухода я думаю: Боже, моя жизнь чертовски скучна по сравнению со всеми остальными людьми, которых я знаю.

Курт горит желанием все исправить. О нем, его жене и даже маленькой дочери ходило много слухов, и чтобы минимизировать свои потери, он решил просто рассказать, как все было на самом деле. Его рассказы иногда эгоистичны, полны рационализма и противоречий, но даже эти искажения раскрывают его жизнь, его искусство и то, как они связаны.

Глава I

Маленький бунтарь с грязными волосами

Абердин, штат Вашингтон (население 16 660), находится в ста восьми милях к юго-западу от Сиэтла, по пути к далекому побережью штата Вашингтон. В Сиэтле часто идут дожди, но в Абердине их еще больше – до семи футов в год, из-за чего над городом постоянно висит тоскливая пелена. Он находится довольно далеко от ближайшего шоссе, туда никто не ездит и редко кто оттуда выезжает.

Искусство и культуру лучше оставить высокомерным типам из Сиэтла – среди «увлекательных занятий», перечисленных в брошюре Торговой палаты округа Грейс-Харбор, есть боулинг, соревнования по работе с бензопилой и игровые автоматы.

Край шоссе № 12, ведущего в Абердин, усыпан бесконечным рядом трейлерных парков; за ними простираются сотни тысяч акров лесных угодий, часто усыпанных обширными щетинистыми шрамами там, где лесорубы вырубали лес подчистую. Посетитель, въезжающий в Абердин с востока, в первую очередь видит уродливый лесозаготовительный склад Вейерхаузера, выходящий к реке Уишка, где безжизненные туши когда-то гордых деревьев лежат штабелями, словно жертвы резни. Рассматривая вид на другой стороне реки, мы наблюдаем длинную полосу пластиковых киосков фастфуда.

В городе доминируют лесозаготовки, вернее, когда-то доминировали. Бизнес рушится на протяжении уже многих лет, а бесконечные сокращения превращают Абердин в город-призрак. В наши дни улицы в центре города медленно заполняются пустыми или заколоченными витринами. Единственные места, где хорошо идут дела, – это таверны вроде «Серебряного доллара» и метко названного «Пурхауса» (Pourhouse – буквально «место, где наливают»), а также местный ломбард, который переполнен пистолетами, бензопилами и электрогитарами. Уровень самоубийств в графстве Грейс-Харбор – один из самых высоких в стране; алкоголизм свирепствует, и крэк пришел в город уже много лет назад.

Люди ненавидят пятнистых сов – рецепты приготовления исчезающего существа появляются на местных номерах на бамперах – даже несмотря на то, что люди лишаются работы из-за децентрализации лесной промышленности, роста затрат на рабочую силу и растущей автоматизации. На одной из самых больших фабрик в городе раньше работали десятки рабочих, а теперь их всего пять: четыре человека и автоматизированная машина для резки с лазерным наведением.

Одна из самых стремительно растущих отраслей промышленности в округе – это выращивание марихуаны и психоделических грибов. Этим занимаются, чтобы хоть как-то увеличить скудные или вовсе несуществующие доходы.

Но так было не всегда. Когда-то Абердин был шумным морским портом, где моряки оставались, чтобы отдохнуть, поесть и снять женщину. Дело в том, что город когда-то был одним большим публичным домом, центром которого была печально известная Хьюм-стрит (которую в пятидесятые годы отцы города переименовали в Стейт-стрит, пытаясь похоронить воспоминания). Позже город стал железнодорожным узлом и домом для десятков лесопилок и лесозаготовительных предприятий. Абердин кишел одинокими молодыми людьми, зарабатывавшими большие деньги на деревообрабатывающей промышленности, а проституция процветала, и в одном месте в центре города насчитывалось до пятидесяти борделей («женских пансионатов», как их называли). Проституция процветала до конца пятидесятых годов XX века, но полицейские репрессии наконец положили ей конец. Некоторые говорят, что сомнительное прошлое Абердина вызывает у его жителей комплекс неполноценности.

Именно здесь 20 февраля 1967 года у домохозяйки Венди Кобейн и ее мужа Дональда, механика на станции Chevron, родился Курт Дональд Кобейн. Сначала молодая семья жила в арендованном доме в соседнем городишке Хокиаме, а когда Курту было шесть месяцев, переехала в Абердин.

Курт вырос, не зная, откуда родом его семья. Его дед по материнской линии – немец, и это все, что ему было известно. Только недавно Курт выяснил, что семья его отца – чистокровные ирландцы и Кобейн – это искажение фамилии Коберн.

Хотя семья Кобейнов была весьма скромного достатка, жизнь их золотоволосого сына начиналась очень хорошо.

– Моя мама всегда была нежна со мной, – говорит Курт. – Мы всегда целовались и обнимались на прощание. Это было действительно круто. Я удивился, когда узнал, что такие отношения в семьях – редкое явление. Это были очень счастливые времена.

Ким, сестра Курта, родилась тремя годами позже, но между Куртом и его матерью уже установилась тесная связь.

– Нет ничего лучше, чем первенец, – говорит Венди, которая снова вышла замуж и все еще живет в доме в Абердине с мужем и дочерью. – Ни один из следующих детей даже близко не похож на первого. Я была совершенно выбита из колеи. Каждое утро я просыпалась только ради него.

Курт определенно был умным ребенком.

– Я помню, как позвонила маме, – вспоминает Венди, – и сказала ей, что меня немного пугает его восприятие. Я никогда не видела ничего подобного у маленьких детей.

Курт начал проявлять интерес к музыке, когда ему было два года. Это было неудивительно, поскольку по линии его матери семья была очень музыкальной – брат Венди Чак играл в рок-н-рольной группе, ее сестра Мэри играла на гитаре, и каждый в семье обладал каким-либо музыкальным талантом. На Рождество все пели или разыгрывали сценки.

Дядя Венди сменил имя с Делберта Фраденбурга на Дейла Ардена и переехал в Калифорнию, где стал исполнителем оперных баллад и в конце сороковых – начале шестидесятых записал несколько пластинок. Он дружил с актерами Брайаном Китом (позже снимавшимся в ситкоме шестидесятых годов «Семейное дело») и Джем Силверхилсом, игравшим Тонто в телесериале «Одинокый рейнджер». Так что, как шутит Венди, «в этой семье известность – обычное дело».

Когда Курту было около семи лет, тетя Мэри подарила ему пластинки The Beatles и Monkees. Она приглашала Курта в гости, посмотреть на репетиции своей группы. Мэри, исполнительница кантри, записавшая сингл, много лет играла с группами в барах по всему Абердину, иногда выступала сольно в стейк-хаусе «Ривьера» и однажды даже заняла второе место на местном телевизионном конкурсе талантов под названием «Ты можешь стать звездой».

Мэри пыталась научить Курта играть на гитаре, но у него не хватало терпения – на самом деле ему было трудно усидеть спокойно на одном месте.

У него диагностировали гиперактивность.

Как и многим детям того поколения, Курту давали лекарство риталин, один из видов амфетамина, противодействующий гиперактивности. Из-за него он не мог заснуть до четырех утра. От снотворного он засыпал в школе. Наконец из его рациона попытались убрать сахар и печально известный «Красный краситель № 2»¹⁷, и это сработало. Гиперактивному ребенку

---

¹⁷ Красный 2G (E 128) – краситель синтетического происхождения, который запрещен в большинстве стран мира. Ранее вещество входило в список разрешенных добавок и активно использовалось в пищевой промышленности. Позже ученые выяснили, что добавка негативно влияет на нервную систему, мозговую деятельность и память.

было трудно воздерживаться от сахара, потому что, как говорит Венди, «он вроде как пристрастился к нему».

Но отсутствие сладостей не особо портило настроение Курта.

– Он каждый день вставал, радуясь тому, что у него был впереди еще один день, – рассказывает Венди. – Он был полон энтузиазма. Он выбегал из спальни, радуясь новому дню, и хотел узнать, что произойдет на этот раз.

– Я был очень счастливым ребенком, – говорит Курт. – Я постоянно кричал и пел. Я не умел останавливаться. В итоге дети меня били, потому что одно желание играть уже вызывало у меня восторг. Я очень серьезно относился к игре. Я был просто очень счастлив.

У Курта, первого ребенка в своем поколении, было семь тетушек и дядюшек только по материнской линии, и все они спорили, кто будет нянчиться с ним. Привыкший быть в центре внимания, он развлекал всех, кто хотел за этим понаблюдать. «Он был такой артистичный, – говорит Венди. – Он мог упасть на пол в магазине ради старика, который был бы просто счастлив, если бы Курт спел для него». Одной из любимых пластинок Курта была *Alice's Restaurant Massacre*¹⁸ Арло Гатри. Он часто пел *The Motorcycle Song* Гатри.

Я не хочу огурчик
Я просто хочу покататься на своем мотоцикле
И я не хочу умирать!

Тетя Мэри подарила Курту басовый барабан, когда ему было семь. Он надевал его и ходил по округе в охотничьей шляпе и теннисных туфлях своего отца, стуча в барабан и распевая песни The Beatles, например *Hey Jude* и *Revolution*.

Курту не нравилось, когда мужчины смотрели на Венди, очень привлекательную женщину со светлыми волосами и красивыми голубыми глазами. Казалось, что Дон никогда не обращал на это внимания, но Курт всегда злился и ревновал. «Мамочка, этот мужчина смотрит на тебя!» – говорил он. Однажды он даже отчитал полицейского.

Уже в три года Курт не слишком любил полицейских. Когда он замечал полицейского, то начинал петь короткую песенку: «Язву копам, язву копам! Копы уже едут! Они тебя убьют!»

– Каждый раз, когда я видел копов, я начинал петь им эту песню, показывал на них пальцем и говорил, что они злые, – говорит Курт, ухмыляясь. – У меня был такой огромный пунтик насчет копов. Они мне совсем не нравились.

Став на пару лет старше, Курт насыпал гальку в бутылки от 7-Ур и бросал их в полицейские машины, но так ни разу и не попал.

Примерно в это же время Курт каким-то образом научился вытягивать средний палец в освященной временем манере. Когда его мать ездила по городу с поручениями, он сидел на заднем сиденье машины и показывал палец всем, кто проходил мимо.

К тому времени, когда Курт перешел во второй класс, все уже заметили, как хорошо он рисует.

– Спустя время, – говорит Венди, – для него это стало комом в горле. Ему дарили только кисти или мольберты. Мы практически убили в нем страсть к рисованию.

Все считали, что рисунки и картины Курта прекрасны. Все, кроме него самого.

– Ему никогда не нравились его работы, – говорит Венди. – Он никогда не был доволен ими, как другие художники.

---

¹⁸ *Alice's Restaurant Massacre* или *Alice's Restaurant* – сатирическая песня в стиле разговорного блюза длиной около 18 минут.

Однажды на Хэллоуин Курт вернулся домой с экземпляром школьной газеты. В ней был рисунок Курта – честь, обычно предназначавшаяся по меньшей мере для пятиклассников. Когда Курт вернулся домой, он был зол из-за этого, потому что и подумать не мог, что его картина настолько уж хороша.

– Его отношение к взрослым изменилось из-за этого, – говорит Венди. – Все говорили ему, как им нравятся его работы, а сам он никогда не был доволен ими.

До третьего класса Курт мечтал стать рок-звездой – он ставил пластинки «Битлз» и играл на маленькой пластмассовой гитаре. Затем в течение долгого времени ему хотелось быть каскадером.

– Я любил играть на улице, ловить змей, прыгать на велосипеде с крыши, – вспоминает Курт. – Ивел Книвел был моим единственным кумиром.

Однажды он вынес из дома все постельные принадлежности и подушки, положил на веранду и прыгнул на них с крыши; в другой раз он взял кусок металла, приклеил его скотчем к груди, положил на него охапку петард и поджег.

Иногда Курт навещал дядю Чака, брата Венди, который играл в группе. Чак соорудил для своей студии в подвале колонки, настолько большие, что не мог вынести их из комнаты. Он разрешал Курту спуститься вниз, давал ему микрофон и запускал ленту. У Венди до сих пор есть кассета, которую Чак записал, когда Курту было около четырех лет. Курт поет, а если ему кажется, что его никто не слушает, то начинает ругаться.

– Какашка, – говорит он. – КА-КА-ШКА!

Дон и Венди подарили Курту маленькую барабанную установку с Микки Маусом.

– Я подталкивала его к барабанам, потому что в детстве сама хотела быть барабанщицей, – признается Венди. – Но моя мать считала это не женским делом и никогда не позволяла мне играть.

Курта не нужно было подталкивать – как только он научился сидеть и держать что-то в руках, то начал стучать по кастрюлям и сковородкам. Каждый день после школы он лупил свою барабанную установку с Микки Маусом, до тех пор, пока она не сломалась.

Кобейны жили не в самом лучшем районе Абердина, он был довольно запущен, а их дом всегда был самым красивым в квартале. Дон поддерживал его в идеальном состоянии: застелил коврами от стены до стены, сделал камин из искусственного кирпича и панели из искусственного дерева.

– Это белый мусор, выдававший себя за средний класс, – говорит Курт о своем происхождении.

Венди была из небогатой семьи, но ее мать всегда заботилась о том, чтобы дети выглядели так, будто у них есть гораздо больше, чем было на самом деле. Венди была такой же. Каждое утро она старательно расчесывала Курту волосы, чтобы он выглядел как Шон Кэссиди¹⁹, и следила, чтобы он почистил зубы, затем одевала его в самую красивую одежду, которую они могли себе позволить, и он тащился в школу в походных ботинках «ваффлстомпер». Она даже заставляла Курта надевать свитер, на который у него была аллергия, просто потому что он хорошо в нем выглядел.

– Наверное, оба моих ребенка были одеты лучше всех в Абердине, – говорит Венди. – Я заботилась об этом.

Венди старалась держать своих детей подальше от того, кого называла «друзьями из определенных слоев общества, которые жили в определенных условиях». Курт говорит, что она велела ему держаться подальше от бедных детей.

---

¹⁹ Банши (англ. Banshee), настоящее имя Шон Кэссиди (англ. Sean Cassidy) – вымышленный персонаж, супергерой комиксов компании Marvel Comics, один из членов команды Люди Икс.

– Моя мама думала, что я лучше, чем они, поэтому время от времени я дразнил их – таких неопрятных, грязных, – говорит Курт. – Я просто помню, что там была пара детей, от которых постоянно воняло мочой, и я их запугивал и дрался с ними. К четвертому классу я понял, что эти дети, судя по всему, круче, чем дети из более высоких слоев, они более приземленные, более простые.

Позже невымытые волосы Курта, его щетина и потрепанный гардероб станут его всемирно известным клеймом.

Курт начал брать уроки игры на барабанах в третьем классе.

– Сколько себя помню, с самого детства, – говорит Курт, – я мечтал стать Ринго Старром. Ну или Джоном Ленноном, играющим на барабанах.

В начальной школе Курт играл в школьном оркестре, хотя так и не научился читать ноты – он просто ждал, пока ребенок на первом стуле выучит песню, а потом повторял за ним.

К Рождеству 1974 года, когда Курту было семь лет, он понял, что мама считает его трудным ребенком.

– Единственное, чего я действительно хотел в тот год, – это пистолет Старски и Хатча²⁰ за пять долларов, – говорит Курт. – Вместо этого я получил кусок угля.

Курт говорит, что он был амбидекстром, владел обеими руками одинаково, но отец пытался заставить его больше пользоваться правой рукой, опасаясь, что у Курта будут проблемы в будущем, если он станет левшой. Но он все равно стал левшой.

Большую часть своей жизни Курт страдал той или иной проблемой со здоровьем. Помимо гиперактивности, он всегда страдал хроническим бронхитом. В восьмом классе у Курта диагностировали легкий сколиоз, искривление позвоночника. Время шло, и его тяжелая гитара действительно усугубляла ситуацию. Курт говорит, что, если бы он был правшой, это решило бы проблему.

В 1975 году, когда Курту было восемь лет, его родители развелись. Венди говорит, что развелась с Доном, потому что его просто не было рядом – он постоянно играл в баскетбол или бейсбол, тренировал или судил команды. Оглядываясь назад, она задается вопросом, любила ли она его когда-нибудь по-настоящему. Дон яростно возражал против развода. Позже Дон и Венди признают, что использовали детей в своей войне друг с другом.

– Это разрушило его жизнь, – говорит Венди. – Он совершенно изменился. Мне кажется, он стыдился этого. И он стал очень замкнутым – просто держал все в себе. Он стал очень застенчивым.

– Я думаю, что он страдает до сих пор, – добавляет она.

Вместо солнечного, общительного ребенка, каким Курт был когда-то, «он стал очень замкнутым, – говорит Венди, – немного сумасшедшим и всегда хмурым и нелепым».

На стене в своей спальне Курт написал: «Я ненавижу маму, я ненавижу папу, папа ненавидит маму, мама ненавидит папу, и от этого становится грустно». В нескольких футах над этой надписью он нарисовал карикатуры на Венди и Дона со словами «Папа отстой» и «Мама отстой». Внизу он нарисовал мозг с большим вопросительным знаком. Эти рисунки сохранились и по сей день, вместе с некоторыми изящными логотипами Led Zeppelin и Iron Maiden, которые он нарисовал (хотя Курт отрицает, что это его рук дело, но ведь сестры не лгут).

Курт был похож на остальных детей своего поколения – фактически, все, кто когда-либо играл в Nirvana (кроме одного), были из разрушенных семей. В середине семидесятых число разводов резко возросло и за десять лет выросло

---

²⁰ «Старски и Хатч» (англ. *Starsky and Hutch*) – американский телесериал, который транслировался на канале ABC с 30 апреля 1975 по 15 мая 1979 года. В центре сюжета – двое полицейских из Южной Калифорнии: несмотря на непохожесть друг на друга они вместе раскрывали убийства. Продюсером сериала выступил Аарон Спеллинг, который при разработке шоу ориентировался на привлечение более молодой аудитории, нежели полицейские сериалы тех лет.

более чем вдвое. Детям этих распавшихся браков не приходилось бороться ни с мировой войной, ни с депрессией. У них просто не было семьи. Следовательно, их сражения были личными.

Курт говорит, что в нем как будто погас свет, который с тех пор он пытается вернуть.

– Помню, как в один момент я просто перестал быть прежним человеком, чувствуя, что больше не достоин этого, – говорит он. – Я чувствовал, что не заслуживаю права тусоваться с другими детьми, потому что у них были родители, а у меня их больше не было. Я злился на своих родителей, потому что они не могут справиться со своими проблемами, – продолжает он. – Большую часть своего детства, после развода родителей, я стыдился их.

Но Курт начал чувствовать себя лишним еще до развода.

– В целом у меня не было ничего общего с отцом, – говорит Курт. – Он хотел, чтобы я занимался спортом, а я не любил спорт, я был художником, а он не ценил этого, поэтому я всегда испытывал чувство стыда. Я просто не мог понять, как можно было вырасти таким, ведь мои родители не были художниками. Мне нравилась музыка. В глубине души, мне казалось, что меня усыновили, – еще с того самого эпизода «Семьи Партридж»²¹, когда Дэнни думал, что он приемный. Это все действительно было для меня чем-то близким.

Творческие способности и интеллект Курта, а также раннее осознание того, что он художник, усугубляли проблему.

– Пока мне не исполнилось десять или одиннадцать лет, я не осознавал того, что чем-то отличаюсь от других детей в школе, – говорит он. – Я начал понимать, что меня больше, чем других детей, интересует рисование и музыка. Все это потихоньку росло во мне, и я начал это осознавать. Так что к тому времени, когда мне исполнилось двенадцать, я полностью замкнулся.

Убежденный, что никогда не найдет себе подобных, он даже перестал пытаться завести друзей.

– Этот город... если бы Курт был где-нибудь в другом месте, он чувствовал бы себя лучше, – говорит Венди. – Но этот город в точности похож на Пейтон-Плейс²². Все смотрят друг на друга и осуждают, и у всех есть свои маленькие щели, где они предпочитают оставаться. А он таким не был.

После развода Курт прожил с матерью год. Но ему не нравился ее новый бойфренд, которого он называл «подлым огромным женоедом». Сначала Венди объясняла неприязнь Курта к ее приятелю простой ревностью. Пять лет спустя она поняла, что ее новый молодой человек и вправду «немного чокнутый» – параноидальный шизофреник. Курт был крайне несчастен и вымещал свой гнев на всех, начиная с Венди и заканчивая своими нянями, которых он обычно даже не пускал в дом. Венди больше не могла с ним справляться, поэтому отправила его жить с Доном в трейлер в Монтесано, еще более маленьком лесозаготовительном поселке примерно в двадцати милях к востоку от Абердина.

Дом Дона не был домом на колесах, он был блочным, который секциями буксируется на стоянку трейлеров с помощью тягача.

– Он не был одним из тех роскошных сдвоенных трейлеров, в которых жили *богатые* белые отбросы, – говорит Курт.

Поначалу это было здорово. Дон купил Курту мини-байк, и по выходным они вместе ходили на пляж или в походы.

---

²¹ «Семья Партридж» – американский телевизионный музыкальный ситком, который транслировался на ABC четыре сезона с 25 сентября 1970 по 23 марта 1974 года.

²² «Пейтон-Плейс» (англ. *Peyton Place*) – длительная американская прайм-тайм мыльная опера, которая транслировалась на телеканале ABC с 15 сентября 1964 по 2 июня 1969 года. «Пейтон-Плейс» был основан на одноименном романе Грейс Металиус 1956 года и в центре истории находились жители города.

– У него было все, – говорит Дон. – Он добился этого. Весь дом был в его распоряжении, у него был мотоцикл, он мог делать все, что ему вздумается, и мы постоянно чем-то занимались. Но потом появляются новая мама и двое других детей...

Однажды Дон невзначай сказал Курту, что никогда больше не женится. Но вскоре, в феврале 1978 года, он все-таки женился. Его новая жена привезла с собой двух детей, и все они переехали в хороший дом в Монтесано. Курт не ладил с новой семьей, особенно с мачехой.

– И по сей день я не знаю более лживого человека, чем она, – говорит Курт.

– Она одна из самых милых людей, – протестует Дон. – Обращалась с Куртом идеально, пробовала разные подходы, нашла ему работу и пыталась со всем справляться, но это только портило их отношения, в частности, из-за его поведения.

Курт прогуливал школу и отказывался заниматься домашними делами. Дон говорит, что он даже не пришел на работу по уборке столов, на которую его устроил отец. Курт начал задирать младшего сводного брата и не особо любил сводную сестру – хотя она и была на четыре года младше Курта, ей поручили присматривать за ним, когда родители уходили. Потом он заметил, что отец начал покупать много игрушек для его сводной сестры и брата. Пока он прятался в своей комнате в подвале, они ходили в торговый центр и возвращались с игрушечной лошадкой или грузовиком «Тонка».

– Я старался сделать все, чтобы он чувствовал себя желанным, чтобы он был частью семьи и все такое, – говорит Дон, который утверждает, что получил юридическую опеку над Куртом только для того, чтобы тот чувствовал себя частью семьи. – Но на самом деле он просто не хотел жить с ними, он хотел быть со своей мамой, а она не хотела этого. И в итоге она – хорошая девочка, а я – плохой парень. Но, скорее всего, дело не только в этом. Временами я бываю эмоционален, а временами – наоборот, и я просто не знаю, как выражать чувства, – признает Дон. – Иногда от моего умничанья страдают чужие чувства. Я не пытаюсь обидеть других, но делаю это неосознанно.

Возможно, что-то подобное было и с Куртом.

– Возможно, – говорит Дон. – Скорее всего, так и было.

Странно, но похоже, что Дон совершенно ничего не помнит о жизни вместе с Куртом. Хотя сейчас он выглядит милым и простым человеком, но напряжение из-за развода могло показать его темную сторону.

– Был ли я грубым? – говорит он. – Ну, моя жена говорит, что это так. Возможно, я сначала делаю, а потом думаю. И раню чувства людей. Проходит время, и я забываю об этом, а вот другие – нет. Да, мой отец порол меня ремнем, мог подбить мне глаз, и тому подобное, но я не помню, порол ли я своего сына.

– Все, что Курт делал, полностью отражало Дона, – говорит Венди. – Если он проигрывал в бейсболе, то мог настолько разозлиться, что начинал унижать Курта. Дон не позволял ему быть ребенком. Он хотел, чтобы сын был маленьким взрослым, идеально себя вел и никогда не делал ничего плохого. Он мог бить Курта по рукам и обзывать его придурком. Он мгновенно выходил из себя. Мама вспоминает, что как-то раз он буквально швырнул Курта через всю комнату, когда тому было около шести лет.

Дон говорит, что не помнит ничего подобного.

– Это называется «отрицание», – отвечает Венди.

После развода Дон начал работать контролером в Mayer Brothers, лесозаготовительной компании.

– В основном, – говорит Курт, – он просто ходил туда-сюда и считал бревна.

Курт продолжает:

– Его представление о «дне отца и сына» заключалось в том, что он брал меня на работу по субботам и воскресеньям. Я сидел в его кабинете, пока он считал бревна. Действительно потрясающие выходные.

В кабинете отца Курт рисовал и занимался телефонным хулиганством. Иногда он выходил в цех и залезал на стопки досок два на четыре. После этого веселья он мог забраться в микроавтобус отца и на повторе слушать восьмую песню альбома Queen News of the World. Иногда он слушал ее настолько долго, что аккумулятор машины садился, и им приходилось искать кого-то, чтобы им помогли запустить двигатель.

Дон крутился в кругу качков в старшей школе, но сам в спорте не преуспел, возможно, из-за того, что был слишком мелким для своего возраста. Дон ожидал от Курта большего, но тот не оправдывал его ожиданий. Некоторые считают, что Дон тянул его в спорт именно по этой причине.

Дон заставил Курта вступить в школьную команду по борьбе. Курт ненавидел жесткие тренировки и, что еще хуже, ненавидел общаться со спортсменами.

– Я ненавидел это, – говорит Курт. – Я просто, на хрен, терпеть этого не мог.

Он приходил домой вечером после тренировок, «а там была эта отвратительная, высушенная еда, которую мачеха готовила с любовью и старанием и которая стояла в теплой духовке еще с обеда, так что к вечеру все просто засыхало и было отвратительным на вкус. Она ужасно готовила».

Тем не менее Курт говорит, что делал успехи в борьбе, в частности из-за того, что на матах он мог выплеснуть свой гнев. Но в день большого чемпионата Курт решил отыграться на отце. Он и его соперник вышли на ринг и встали в позицию, а Дон сидел на трибуне, наблюдал за сыном.

– Я стоял, упершись руками в колени, смотрел на отца и улыбался, ожидая свистка, – рассказывает Курт, – глядя прямо ему в глаза, а затем я просто сдался – сложил руки и позволил тому парню меня уложить. Видели бы вы его лицо. Он просто вышел из зала прямо посреди матча, потому что я сдался четыре раза подряд.

Этого эпизода Дон тоже не помнит, но Курт говорит, что это привело к тому, что ему пришлось съехать от отца и жить с дядей и тетей.

Однажды Дон взял Курта на охоту, но, как только они вошли в лес, Курт отказался идти с группой охотников. Он провел весь день в грузовике.

– Сейчас, когда я это вспоминаю, – говорит Курт, – я знаю, что уже тогда чувствовал, что убивать животных плохо, особенно ради забавы. Но тогда я этого еще не понимал. Я лишь знал, что не хочу быть там.

В это же время Курт начал открывать для себя новые направления рок-музыки, помимо The Beatles и Monkees. После того, как кто-то посоветовал Дону вступить в клуб звукозаписи «Columbia House», он стал собирать внушительную коллекцию записей. Каждый месяц по почте приходили пластинки таких групп, как Aerosmith, Led Zeppelin, Black Sabbath и Kiss. Дон так и не решился открыть их, но Курт добрался до них уже через несколько месяцев.

Курт начал общаться с парнями, носившими украшения из ракушек, растрепанные волосы и футболки с Kiss.

– Они были гораздо старше меня – учились в старших классах, – говорит Курт. – Они курили травку, и я считал их намного круче своих друзей-заучек из четвертого класса, смотрящих «Счастливые дни»²³ по телевизору. Я пускал их в дом и разрешал есть мою еду, ради того чтобы подружиться с ними.

---

²³ «Счастливые дни» (англ. *Happy Days*) – популярный американский комедийный телесериал, выходивший на телеканале ABC с 15 января 1974 по 24 сентября 1984 года. За это время было снято 11 сезонов, включающих в себя 255 эпизодов. Сериал был создан Гарри Маршаллом, и представлял собой идеализированный взгляд на жизнь Америки с середины 1950-х до середины 1960-х годов.

Эти травокуры заметили потрясающую коллекцию пластинок Дона и убедили Курта включить их.

– И они пристрастили меня к этой музыке, – вспоминает Курт. – Я начал превращаться в такого же укурыша, как и они.

– Он никогда, даже в детстве, не приходил и не делился тем, что его беспокоит и чего ему хочется, – говорит Дон. – Он, как и я, придерживался принципа – молчи, и все само пройдет. И не объясняй. Держи все в себе, и однажды оно выйдет наружу.

– Он женился, и после этого я оказался на последнем месте в списке того, что было важно для него, – говорит Курт. – Он просто сдался, поскольку был убежден, что мама промыла мне мозги. Жалкое зрелище, не так ли? Не думаю, что мой отец и вправду такой придурок, – продолжает Курт. – Он и близко не похож на многих отцов, которых я видел.

Так в чем же была причина конфликта Курта с отцом?

– Я даже не знаю, – признается Курт. – Мне хотелось бы иметь побольше воспоминаний. Я никогда не чувствовал, что у меня есть отец. У меня не было того отца, с которым я мог бы чем-то поделиться.

Дону тоже не удалось поладить с сыном, и Курт начал скитаться по семье. Он жил у трех дядей и тетей, а также с бабушкой и дедушкой со стороны отца. Он переезжал из Монтесано в Абердин по меньшей мере дважды в год, заодно меняя и школу.

Венди понимала, что должна вернуть Курта домой, но ей приходилось разбираться с собственными травмами – она наконец избавилась от параноидального шизофреника, физически и морально издевавшего над ней до такой степени, что однажды даже пришлось вызвать скорую помощь. К тому же она потеряла работу и попросила своего брата Чака, музыканта, позаботиться о Курте.

На четырнадцатый день рождения Чак спросил у Курта, что ему подарить, мотоцикл или гитару. Курт выбрал гитару – подержанную электрогитару, на которой практически невозможно было играть, и побитый маленький десятиваттный усилитель.

– Вряд ли это была Harmony, – говорит Курт о гитаре. – Скорее это была Sears.

Он забросил барабаны и около недели занимался на гитаре – этого было достаточно, чтобы выучить песню AC/DC Back in Black.

– Аккорды очень похожи на Louie, Louie²⁴, – говорит Курт, – и это все, что вам нужно знать.

После этого он начал писать собственные песни. Его преподаватель гитары, Уоррен Мэйсон (игравший в группе вместе с Чаком), вспоминает Курта как «тихого и очень милого ребенка». Мэйсон говорит, что Курт очень хотел научиться играть Stairway to Heaven, хотя сам Курт это отрицает.

Абердин пугал Курта. В отличие от Монтесано, он был похож на большой город.

– Я думал, что эти дети принадлежат к более высокому классу, и я недостойн находиться рядом с ними, – говорит он.

В классе он читал книги С. Э. Хинтон, такие как «Бойцовые рыбки» и «Изгой», и старался ни с кем не разговаривать. В тот год он ни с кем не подружился. Вместо этого он каждый день приходил домой и играл на гитаре до позднего вечера. Он уже умел играть Back in Black

---

²⁴ Louie, Louie – песня Ричарда Берри, написанная им в 1955 году и выпущенная в апреле 1957 года на стороне «Б» сингла «Rock Rock Rock». Песня, написанная и исполненная в стиле ямайской баллады, в простой куплетной форме, от первого лица рассказывает историю о ямайском моряке, который возвращается на остров к своей возлюбленной. Наибольшую популярность песня получила в исполнении группы The Kingsmen, издавшая свою версию в 1963 году, которая стала стандартом в поп- и рок-музыке и объектом расследования ФБР на тему мнимых непристойностей в тексте, закончившееся без выдвинутых обвинений.

и к тому же выучил еще несколько песен – My Best Friend's Girl группы Cars, Louie, Louie и Another one Bites the Dust Queen.

В начале 1980 года, когда Курту было двенадцать, они с другом Бренданом увидели выступление группы B-52²⁵ на шоу Saturday Night Live. Это увлекло их, и Брендан уговорил родителей купить ему кеды в шахматную клетку. Отец Курта не мог этого себе позволить, и Курт просто нарисовал клетку на своих кроссовках.

Летом перед десятым классом Курт начал подражать группе Sex Pistols, которую увидел в журнале Creem. К несчастью, в музыкальном магазине Абердина не было пластинок с панк-роком, так что Курт даже не знал, как он звучит. Уединившись в комнате, Курт играл то, как представлял себе его звучание, «три аккорда и много криков», говорил он. И, как оказалось, это было близко к истине.

Несколько лет спустя он наконец достал запись «панка», огромный, эклектичный трех-дисковый альбом Clash Sandinista, и был разочарован тем, что звучание было не таким, как он себе представлял.

Курт описывает свою раннюю музыку как «неряшливый рифф-рок».

– Это было похоже на Led Zeppelin, только очень грубо, и я старался сделать все как можно более агрессивным, – говорит он. – Я думал: «Каким может быть панк-рок? Что это? Насколько он отвратителен?» И я пытался играть так плохо, как только мог. Включал маленький десятиваттный усилитель на максимальную громкость. Я просто понятия не имел, что делаю.

– Это был хороший способ спустить пар, – продолжает Курт. – Я считал это своей работой, своей миссией. Я знал, что мне нужно практиковаться. Как только у меня появилась гитара, я стал одержим ею. Я всегда знал, что делаю что-то особенное. Я знал, что становлюсь лучше, хотя и не мог доказать этого. Я понимал, что мне есть что предложить публике, и позже я осознал, что у меня должна быть возможность показать, что я могу писать хорошие песни – что я могу внести свой музыкальный вклад в рок-н-ролл.

Курт отчаянно пытался сделать следующий шаг и создать собственную группу.

– Я хотел посмотреть, как это – написать песню и увидеть, как она звучит со всеми инструментами. Я хотел только этого. Просто попробовать в конце концов. Вот чего я хотел.

Группу он смог собрать только через четыре года, но не из-за того, что не прилагал усилий.

В школе Курт познакомился с двумя подростками – Скоттом и Энди, которые играли на басу и гитаре и джемовали в заброшенном холодильном помещении в лесу. Курт однажды пошел туда, поиграл с ними один день, и было решено создать группу. Курт согласился оставить там гитару, ведь они должны были репетировать каждый день.

Но Скотт и Энди забросили репетиции, и дни ожидания превратились в недели, а недели – в месяцы. Курт не мог забрать инструмент, поскольку у него не было машины, а мама не могла его отвезти. Он освоил праворукую гитару, принадлежавшую мальчику, жившему в доме Кобейнов, мать которого умерла.

– Он был одним из тех тупых укурков, – вспоминает Курт. – Мне он нравился, потому что был по-настоящему депрессивным.

---

²⁵ B-52 – американская рок-группа новой волны, основанная в 1976 в городе Атене Фредом Шнейдером, Кейт Пирсон, Китом Стриклендом, Синди Уилсон и Рики Уилсоном. Группа сравнительно быстро получила известность благодаря необычному стилю, в котором соединились панк-рок, фанк, диско, китчевая образность и абсурдный юмор в текстах, а кроме того оригинальный ретроимидж. Дебютный альбом The B-52's, в свое время ознаменовавший возрождение американской новой волны, которая к 1979 году стала утрачивать силу, сейчас считается культовой классикой.

Позже Курт попросил друга отвезти его в лес за гитарой и нашел ее рассыпавшейся на куски – остался один гриф и куча электронных потрохов. Курт скрупулезно вырезал новый корпус в мастерской, но понял только, что не знает пропорций, необходимых для звучания.

– Когда мне было лет семь, я думал, что непременно стану рок-звездой, – говорит Курт. – Я не видел в этом ничего сложного, потому что был настолько гиперактивным, что думал, будто весь мир в моих руках и я могу сделать абсолютно все. Я знал, что, если захочу, могу стать даже президентом, но это было глупо – лучше я стану рок-звездой. Я в этом даже не сомневался. Я очень любил The Beatles и не понимал, в каком окружении живу, что происходит вокруг и с каким отчуждением я столкнусь, когда стану подростком.

Курт продолжает:

– Я считал Абердин посредственным городом, ничем не отличающимся от любого другого в Америке. Я думал, что все они одинаковы – всюду мир и насилия намного меньше, чем было на самом деле, и что все будет просто. Я считал, что США размером примерно с мой задний двор, и все эти города можно запросто объехать, играя в рок-группе, попасть на обложки журналов и все такое.

Но когда к девяти годам у меня появились эти маниакально-депрессивные признаки, я начал смотреть на вещи по-другому. Это казалось мне нереальным.

В десятом классе Курт забросил все мечты о славе.

– В то время я стал очень застенчивым. Я оценивал себя настолько низко, что даже не думал о том, чтобы действительно стать рок-звездой, не говоря уже о том, чтобы вести себя так, как это делают звезды. Я не мог представить себя на телевидении или на интервью. Такие вещи в то время даже не приходили мне в голову.

Отец Курта заставил его вступить в бейсбольную команду лиги Бейба Рута. В основном Курт грел скамейку, и, если даже выходил на поле, то намеренно промахивался, чтобы не играть. На скамейке он сидел с парнем по имени Мэтт Лукин, и они говорили о Kiss и Cheap Trick. Ребята уже встречались раньше в Монтесано на занятиях по электронике, и Мэтт запомнил Курта как «маленького бунтаря с грязными волосами».

Лукин играл на бас-гитаре в местной группе под названием The Melvins, репетицию которой Курт видел однажды летним вечером перед началом девятого класса. Друг Курта Брендан знал кое-кого, кто был знаком с барабанщиком The Melvins, и они добыли приглашение на репетицию, которая проходила на чердаке чьего-то дома. The Melvins тогда еще не были панками и играли каверы Хендрикса и The Who.

Тогда Курт впервые лично увидел рок-группу и был в абсолютном восторге.

– Я всю ночь пил вино, по-настоящему напился и был очень надоедлив. Я помню, что похвалил их, наверное, миллион раз, – вспоминает Курт. – Я был в восторге от того, что мои ровесники играют в настоящей группе. Это было круто. Я думал: «Ух ты, им так повезло».

Недовольные поведением маленького назойливого нахала, The Melvins выставили его. Спускаясь пьяным с чердака, он упал с лестницы.

В том году в художественном классе старшей школы Монтесано Курт снова встретил лидера The Melvins Базза Осборна, коренастого подростка с диким взглядом, на пару лет старше Курта. В то время Осборн был фанатом The Who, но вскоре переключился на панк-рок. У него был альбом с фотографиями Sex Pistols, который он на время дал Курту, и тот прикипел к нему. Впервые Курт увидел панк-рок не только на нескольких разворотах Creem.

– Это были Sex Pistols со всей своей необузданностью, – говорит Курт, – и я собирался прочитать о них все и даже больше. Это было действительно круто.

Вскоре он уже рисовал лого Sex Pistols на партах в классе и на своих папках для бумаг. Затем Курт начал всем говорить, что соберет панк-рок-

группу и она станет очень популярной, хотя все еще понятия не имел, как на самом деле звучит панк-рок.

– Он казался мне фриком, – говорит Курт об Осборне. – Кем-то, с кем я действительно хотел бы общаться.

Курт завидовал Осборну, поскольку у того уже была группа, иногда игравшая в Сиэтле и Олимпии.

– Это было все, чего мне так хотелось в то время, – рассказывает Курт. – От своей музыки я не ожидал многого. Я просто хотел получить возможность выступить перед людьми в Сиэтле. Мысль о том, чтобы играть в достаточно успешной группе и ездить в туры, в то время была для меня чем-то из ряда вон выходящим.

В состав The Melvins изначально входил барабанщик Майк Диллард, которого позже заменил Дейл Кровер. В своей первой панк-фазе они играли хардкор «быстрее скорости света». Затем, когда то же самое начали делать и все остальные музыкальные группы, The Melvins играли так медленно, как только могли, просто для того чтобы всех позлить. И чтобы разозлить их по-настоящему, они добавили в звучание хэви-метал. Издав основополагающий альбом 1987 года *Gluey Porch Treatments*, The Melvins стали одними из отцов-основателей того, что в конечном итоге стало известно как «гранж» – новая, мутантная форма панк-рока, которая впитала тяжелый метал, а также пролетарские хард-рок-группы семидесятых, такие как Kiss и Aerosmith. Их звук произвел революцию на музыкальной сцене Сиэтла, где ранее доминировали арт-рок-группы.

The Melvins уже играли в Сиэтле, когда Курт впервые увидел их, и к 1985 году появились в изменчивой коллекции Deep Six наряду с U-Men, Soundgarden, Green River, Malfunkshun и Skin Yard. За исключением арт-рока U-Men, все группы смешивали панк, хард-рок в стиле семидесятых и пролетарский хэви-метал в различных пропорциях в грубый, но эффективный музыкальный гибрид.

Курт иногда помогал The Melvins возить в Сиэтл оборудование для концертов. У Абердина не было большой музыкальной истории – хотя половина состава платиновых спид-металлистов Metal Church была родом именно оттуда – и группа, выступавшая в Сиэтле, была большой сенсацией.

Курт был очень недоволен тем, что ему приходилось переезжать от одного родственника к другому. В мае 1984 года Венди вышла замуж за портового грузчика Пэта О'Коннора. Пэт тогда сильно пил, и у Венди было полно хлопот – она боялась, что не сможет справиться еще и с Куртом, но он в конце концов убедил ее взять к себе.

– Мне понадобилось на протяжении нескольких месяцев плакать в телефонную трубку каждый вечер, чтобы уговорить мать позволить мне жить с ней, – говорит Курт.

Однажды вечером Пэт ушел и вернулся только в семь утра, пьяный и, как выразилась Венди, «воняющий девкой». Она была в ярости, но все равно пошла на работу в универмаг. Пара горожан пришла в магазин просто чтобы подразнить ее.

– Эй, а где был Пэт вчера вечером? – хихикали они. Венди так разозлилась, что пошла куда-то и напилась с подругой, а потом вернулась домой и набросилась на Пэта. На глазах у обоих детей она выхватила из шкафа один из его многочисленных пистолетов и пригрозила застрелить его, но никак не могла сообразить, как его зарядить. Затем она вытащила все его оружие – дробовики, пистолеты, винтовки, старинные ружья – и потащила их вниз по переулку. Ким тащила вслед за ней большую сумку с патронами. Они бросили все это в реку Уишка.

Курт наблюдал за ними из окна своей комнаты. Позже в тот же день он заплатил двум ребятам, чтобы они выловили из реки как можно больше ружей, а потом продал их. На выру-

ченные деньги Курт купил свой первый усилитель. Затем он отвез парня, который продал ему усилитель, к своему дилеру, и тот спустил все деньги на травку.

Курт играл на гитаре очень громко. Соседи жаловались. Венди стучала в потолок ручкой от метлы. Курту нравилось, когда семья уезжала за покупками или еще куда-нибудь, потому что это означало, что он может оторваться по-полной.

– Мы возвращались домой в надежде, что у нас не вылетели окна, – говорит Венди. – Курт пытался уговорить друзей поиграть с ним, но ни у кого не было музыкального таланта. В своей критике он был очень властным и прямолинейным. Курт точно знал, чего хочет.

Никто не догадывался о том, что, закрываясь в своей комнате, он еще и пел.

– Однажды, – говорит Венди, – мы с Пэтом услышали, как Курт поет. Он пел очень тихо и не хотел, чтобы мы его слышали. Мы прижались к двери ушами, посмотрели друг на друга, сморщили носы и сказали: «Лучше уж гитара».

Глава II

Мы хотели только поиграть

Примерно тогда Курт впервые заметил в абердинской старшей школе Криста Новоселича.

– Я помню, как подумал, что определенно хотел бы познакомиться с ним, – говорит Курт. – Но мы так и не общались.

Парни учились не вместе – Курт иногда видел Криста на школьных вечерах, где тот изредка участвовал в сценках только для того, чтобы саботировать их, например, неожиданно запеть «Знамя, усыпанное звездами»²⁶.

– Он был смешным человеком с очевидно необычным чувством юмора, – говорит Курт. – Все смеялись *над* ним, но я смеялся *вместе* с ним, потому что в основном он выставлял дураками других. Он был умным, смешным, громким человеком. Он был выше всех в школе. Он был *большим*. Жаль, что тогда мы так и не подружились, потому что в старшей школе мне действительно нужен был друг.

Курт чувствовал себя изгоем, но даже изгой могут найти других изгоев для совместного провождения времени. Судя по всему, за исключением Абердина.

– Я хотел где-то вписаться, но не с обычными детьми, не с популярными детьми в школе, – говорит Курт. – Я хотел быть похожим на ботаников, но в Абердине не было даже настоящих ботаников. И это явно не те дети, которые станут слушать Devo. Обычно они попросту были идиотами.

Курт говорит, что в школе было только два парня, с которыми он даже подумывал подружиться. Оба были достаточно круты, чтобы слушать Oingo Boingo, маниакальную группу новой волны из Лос-Анджелеса.

– Но они были такими же задротами – полными идиотами, – говорит Курт. – Они были из тех ребят, которые красят лица на футбольных матчах.

Старшая школа была для Курта подростковой пустошью, состоящей из трех каст: социальных типов, любителей математики и торчков. Девочки из Абердинской средней школы заметили ямочки на щеках Курта и его голубые глаза и решили, что он симпатичный.

– Я им вроде как нравился, – говорит Курт, – но мне не нравилась ни одна из этих девочек – они были глупыми.

Поскольку Курт нравился девочкам, их бойфренды-спортсмены пытались подружиться с ним, но Курт их отшивал. Курт подумывал о том, чтобы начать общаться с занудами, которые увлекались компьютерами и шахматами, но они не любили музыку. А значит, остались только торчки.

– Я их ненавидел, – говорит Курт, – но они, по крайней мере, увлекались рок-н-роллом.

Итак, Курт надел типичную куртку укурка – джинсовую куртку с флисовой подкладкой, которая до сих пор пользуется популярностью у испорченной молодежи, – и начал тусоваться в традиционном пристанище торчков, притоне курильщиков. Курт почти ни с кем не разговаривал; он был таким тихим, что иногда его спрашивали, не наркоман ли он.

После возвращения в Абердин Курт потерял связь с The Melvins. Но потом он встретил в притоне своего приятеля-меломана по имени Дейл Кровер. Крист знал Кровера, потому что тот обычно играл с младшим братом Криста Робертом. Когда The Melvins понадобился бара-

---

²⁶ Гимн США.

банщик, Крист предложил Кровера, и тот согласился. И поскольку Курт был знаком с Кровером, то снова начал общаться с The Melvins.

The Melvins начали практиковаться в гостевой комнате в доме родителей Кровера. Любое место, где репетировали The Melvins, быстро превращалось в постоянное пристанище для группы абердинских укурков, прозванных «прилипалами», и обиталище Кровера ничем не отличалось. Одевались они в расклешенные джинсы и залатанные куртки-пуловеры с карманами на молнии, чтобы травка была в безопасности.

– Эти парни были самыми классическими мультяшными укурками-металлистами, каких вы можете себе представить, – говорит Курт. – Они были такие смешные – прыщавые, беззубые, провонявшие травой.

Для прилипал пребывание на репетиционной точке The Melvins было едва ли не единственным способом развлечения.

– В Абердине можно было только пить пиво, курить травку и поклоняться Сатане, – шутит Кровер. – Там ничего нет. Мы много смотрели телевизор.

Само место для репетиций было увешано плакатами Kiss, Mötley Crue и Теда Ньюджента, страницами, вырванными из журнала Circus, и фотографиями обнаженных женщин с наклеенными на них разными лицами (похожее изображение однажды появится на футболке Nirvana). Посетители поднимались по лестнице на заднее крыльцо дома, проходили через крошечную комнату, а затем попадали в репетиционный зал. Базз не любил, когда на репетиции было много народу, поэтому прилипалы довольствовались тем, что болтались на заднем крыльце, пока The Melvins репетировали. Ежедневные репетиции группы обычно длились три или более часов, но только потому, что им приходилось прерываться каждые двадцать минут, пока один из членов группы решал какие-то дела с прилипалами.

Курт пробовался на роль участника The Melvins, но из этого ничего не вышло.

– Я все испортил, – говорит Курт. – Я так нервничал, что забыл все песни. Я буквально не мог сыграть ни одной ноты, просто стоял там с гитарой и что-то играл с покрасневшим лицом.

Это было даже к лучшему, потому что Курт уже писал и записывал свой собственный материал. Мэтт Лукин вспоминает кассету, сделанную Куртом из его собственных песен, там были только гитара и вокал.

– Это были очень классные песни, – вспоминает Лукин, – особенно для тех, кто играл на гитаре в то время, а когда мы были в том возрасте – большинство парней просто хотели играть Judas Priest. Нам показалось странным, что какой-то подросток пишет свои собственные песни и предпочитает играть их, а не Mötley Crue.

А потом Базз Осборн познакомил Курта Кобейна с панк-роком. Осборн сделал несколько сборников, в основном групп из Южной Калифорнии, таких как Black Flag, Flipper и Millions of Dead Cops²⁷. Первой песней первого сборника была песня Black Flag Damaged II, тотальная атака абразивных гитар и неуклюжих, но агрессивных барабанов, наполненных злобой циркулярной пилы.

*Поврежденный тобой, поврежденный мной,
Я запутался, я запутался,
Не хочу быть запутанным, —*

выкрикивал вокалист Генри Роллинс.

Курт был поражен.

– Это было похоже на музыку с другой планеты, – говорит он. – Чтобы принять это, мне потребовалось несколько дней.

---

²⁷ «Миллионы мертвых копов».

Однако к концу недели он уже был сертифицированным, самопровозглашенным панк-рокером. «Я чувствовал, – говорит Курт, – что это звучит четче и реалистичнее, чем обычные рок-н-рольные тексты».

Вскоре после этого, в августе 1984 года, Курт, Лукин, Осборн и остальные приехали в Сиэтл на выступление Black Flag²⁸ в клубе Mountaineer во время тура Slip It In. Чтобы раздобыть денег на билет, Курт продал за двенадцать долларов свою коллекцию пластинок, которая в то время состояла из альбомов Journey, Foreigner и Pat Benatar.

– Это было действительно здорово, – говорит Курт о концерте. – Это моментально изменило меня. Становление панк-рокером подпитывало мою низкую самооценку, поскольку помогало мне понять, что мне вовсе не нужно становиться рок-звездой – я *не хочу* становиться рок-звездой, – говорит Курт. – Поэтому я боролся с этой тонкой гранью – я всегда был в подвешенном состоянии, не беспокоясь, не желая и не имея возможности, но в то же время мне все-таки этого хотелось. Хотелось показать себя людям. Это немного сбивает с толку. Я так рад, что попал в панк-рок именно в то время, потому что это подарило мне несколько лет, за которые я должен был вырасти и осознать свои ценности в перспективе и понять, что я за человек. Я просто очень рад, что смог найти в себе панк-рок. Он был настоящим даром свыше.

Осборн также показал ему, как разобраться со своим окружением.

– У него было действительно потрясное отношение к среднестатистическому быдлу, – говорит Курт. – И оно меня по-настоящему вдохновило. Принцип был такой: «Задирай их столько, сколько может тебе сойти с рук». Мы ходили на вечеринки спортсменов, преследовали больших мускулистых мужчин и плевали им в спину, писали оскорбления на стенах их домов и доставали яйца из холодильника, чтобы положить их в хозяйскую постель. Мы просто старались нанести максимальный ущерб.

---

²⁸ Black Flag – хардкор-панк-группа из Калифорнии, США, существовавшая в период с 1976 по 1986 годы. Изначально имела название «Ripic». Состав коллектива менялся на протяжении всего творческого пути, единственным постоянным его участником оставался гитарист Грег Гинн. Оказали огромное влияние на современную панк-культуру, являясь основателями нового музыкального направления – хардкор-панка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.